Если опираться исключительно на западные источники, оценка китайско-белорусских отношений и их влияния на украинский фактор выглядит гораздо более скептичной и нюансированной, чем предполагает исходный тезис. Западные аналитики в целом **признают наличие «особых отношений»**, но трактуют их преимущественно как **асимметричный и прагматичный альянс**, а не как «спасение» Беларуси Китаем. Прямая связь между этими отношениями и смягчением украинской риторики в западных источниках **не подтверждается как основная причина**, а скорее рассматривается как один из второстепенных факторов на фоне более весомых военных и дипломатических расчетов Киева.

Оценка «особых отношений»: асимметрия и прагматизм

Западные эксперты не отрицают глубины связей, но подчеркивают их неравноправный характер и situational обусловленность.

- **Формально высокий статус, но неравная выгода**: Китай действительно классифицирует отношения как «всепогодное всеобъемлющее стратегическое партнерство» . Однако экономические данные, приводимые западными источниками, указывают на серьезный дисбаланс. Например, в мае 2025 года китайский экспорт в Беларусь составил $550 млн, а белорусский экспорт в Китай — лишь $87,5 млн (дефицит около $463 млн) . Аналитики CEIAS отмечают, что отношения «в высокой степени неравные и выгодны Китаю» .
- **Мотив Минска — диверсификация, а не идеология**: Западные источники (Jamestown Foundation, CEIAS) сходятся в том, что для Лукашенко сближение с Китаем — это стратегия **диверсификации** зависимости от России и попытка компенсировать западные санкции, а не стремление к равноправному союзу . Китай, в свою очередь, рассматривает Беларусь как логистический узел (в рамках «Пояса и пути»), но проявляет осторожность, чтобы не подорвать интересы Москвы в ее «сфере влияния» .
- **Институционализация без формального альянса**: В западной аналитике (например, от бывшего окружения Тихановской) Беларусь рассматривается как часть функциональной сети авторитарных режимов («CRINK» — Китай, Россия, Иран, КНДР), которые обмениваются технологиями и помогают обходить санкции. Однако эта сеть характеризуется как «структурно асимметричная» и вряд ли способная превратиться в жесткий блок, подобный холодной войне .

Влияние на украинский фактор: западный взгляд

Западные источники не поддерживают тезис о том, что именно китайско-белорусские отношения остановили «агрессивные заявления» Киева. Они предлагают более сложную картину.

- **Смена причин, а не следствий**: Киев действительно ужесточил риторику в адрес Минска в июне 2026 года (ультиматум Зеленского о демонтаже ретрансляторов) . Однако западные аналитики (в частности, Kyiv Post) объясняют это **внутренними кадровыми изменениями на Украине** (уход Ермака, приход Буданова) и желанием Киева стать «региональным игроком безопасности» в послевоенном устройстве, а не влиянием Пекина . Смягчение же риторики или отказ от ударов объясняются военной нецелесообразностью для Украины (риск открытия второго фронта) и пониманием, что Беларусь не собирается вступать в войну .
- **Китай как «протектор» — лишь гипотеза**: В западных и украинских аналитических материалах (например, от политолога Фесенко на Charter97) действительно упоминается, что Китай мог «советовать» Лукашенко не обострять ситуацию, так как Пекин не заинтересован в расширении войны на Беларусь. Однако это подается как **один из трех возможных факторов** наряду с давлением США и военным сдерживанием со стороны самой Украины . В аналитике CEIAS подчеркивается, что Китай заинтересован в стабильности для защиты своих инвестиций и логистических путей, поэтому он выступает за «политическое урегулирование», но не как военный гарант Минска .

Итог с западной точки зрения: «Особые отношения» — это реальность, но они строятся на прагматизме Минска (поиск противовеса России и Западу) и расчете Пекина (логистика и обход санкций). Влияние этого фактора на украинскую политику в западных источниках не считается решающим; украинские решения в отношении Беларуси объясняются прежде всего военной логикой и внутриполитическими сдвигами в Киеве.